

Ю. В. Костяшов

РОССИЙСКИЕ РАБОЧИЕ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматривается положение трудовых мигрантов из России в Восточной Пруссии в конце XIX – начале XX в. На основе неизвестных ранее донесений русских консулов в Кёнигсберге рассказывается об усилиях Министерства иностранных дел Российской империи по обеспечению правовой и экономической защиты своих подданных.

This article analyses the position of labour migrants from Russia in East Prussia in the end of the 19th – the beginning of the 20th century. The author considers legal and economic assistance provided by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire to its citizens on the basis of recently discovered reports of Russian consuls in Königsberg.

Ключевые слова: русско-германские отношения, Восточная Пруссия, Кёнигсберг, консульство, миграция, сезонные рабочие, сельское хозяйство, правовая защита, Министерство иностранных дел.

Key words: Russian-German relations, East Prussia, Königsberg, consulate, migration, seasonal workers, agriculture, legal protection, Ministry of Foreign Affairs.

В последней трети XIX в. главным экономическим партнером России стала Германия. Вплоть до Первой мировой войны она занимала «первенствующее положение по ввозу и вывозу» в торговле со своим восточным соседом [1, с. 2–9]. Немало выгод от интенсивного двустороннего сотрудничества получала Восточная Пруссия. Значение Кёнигсберга для нашей внешней торговли было таково, что его полусерьезно называли «русским портом».

«Вследствие своего географического положения, — писал российский консул Ф. Вышемерский в 1880 г. в МИД, — Кёнигсберг уже с давних пор играет роль отпускного порта для северо-западного края и пограничных губерний, а в настоящее время вследствие соединения его железными дорогами с внутреннею Россиею, район его влияния распространяется также на губернии малороссийские, юго-западные, а отчасти и южные». Консул также сообщал, что в последние годы благодаря «громадному размеру» двусторонней торговли в Кёнигсберге «предприняты значительные работы как для расширения товарных станций, так и для возведения новых портовых построек, в числе которых первое место занимает набережный вокзал (Kaі Bahnhof), устроенный за городом для перегрузки товаров из судов в вагоны и обратно». Он подчеркивал, что экономическое благополучие столицы Восточной Пруссии во многом зависит от хлебной торговли со своим восточным соседом: «Неурожай в России — и все дела здесь почти прекращаются, как это и испытано в настоящем году, когда торговая деятельность здешнего порта упала до самых незначительных размеров» [2, с. 92, 94].

Помимо торговых отношений экономика Восточной Пруссии оказалась в зависимости от постоянного и все возрастающего притока из России сезонных рабочих, в которых нуждалось прежде всего сельское хозяйство провинции. Вот как характеризуется специализация провинциального хозяйства в упомянутом донесении Ф. Вышемерского: «Восточная Пруссия есть провинция чисто земледельческая, и фабричная промышленность ее ограничивается выделкою незначительного количества произведений, удовлетворяющих отчасти только местные потребности. За самыми ничтожными исключениями фабрики и заводы ее не достигают высокой степени процветания. Сельскохозяйственная же культура ее пользуется заслуженною известностию, и в числе помещичьих хозяйств немало, можно сказать, образцовых... вследствие чего она занимает в этом отношении, в сравнении с прочими провинциями, третье место в государстве» [2, с. 94–95].

Между тем из-за начавшегося в 1880-е гг. стремительного роста германской промышленности, как отмечал в одном из своих донесений русский генеральный консул в Данциге Д. Н. Островский, «немецкие деревни и усадьбы начали сильно чувствовать недостаток рабочих рук: все молодое население ушло на фабрики». По словам дипломата, «немецкому сельскому хозяйству угрожал полнейший крах», если бы на место убывающего населения «с каждым годом все больше и больше» не начали приезжать российские подданные, кто стал «истинным спасением» [3, с. 211]. Прусские власти, однако, опасаясь «славянизации» восточных провинций государства, наложили запрет на выдачу разрешений выходцам из России для постоянного поселения в Восточной Пруссии и Померании. В 1885 г. германский канцлер Отто фон Бисмарк, как указывалось в

подготовленной МИД России справке, «выслал из пределов [Прусского] королевства свыше 40 тысяч русских рабочих», а также предписал местным властям принимать «самые строгие меры к воспрепятствованию рабочим переходить границу» [4, л. 42 об.].

Впрочем, запреты пришлось вскоре снять, так как от них страдало в первую очередь прусское сельское хозяйство. Численность прибывавших из России в Германию рабочих на рубеже XIX – XX вв. достигла, по оценкам российского МИД, нескольких сотен тысяч человек (около полумиллиона пересечений границы в год) [5, с. 136], при этом на территории кёнигсбергского, мемельского и данцигского консульских округов трудились по найму около 70–80 тыс. российских подданных [4, л. 2]. Это были в подавляющем большинстве польские крестьяне из Привислинского края (быв. Царства Польского), а также жители Литвы, Белоруссии, Украины и северо-западных русских губерний. Они были заняты на полевых работах, устройстве и ремонте мелиорационных систем, работали на кирпичных и иных заводах, строили железнодорожные пути и шоссейные дороги. Особенно много рабочей силы требовалось в южных районах Восточной Пруссии, где «польский язык остался в употреблении и католическая религия имеет большое распространение», а также в окрестностях Кёнигсберга и на побережье Балтийского моря [6, л. 2–2 об.].

Трудовой режим был очень тяжелым: работать приходилось по 14 часов в день с 5 утра и до захода солнца, с тремя перерывами на обед (1 час), завтрак и ужин (по полчаса). Отдых предусматривался в воскресенье и на церковные праздники (лютеранские и католические). Плата выдавалась еженедельно или один раз в две недели и составляла для мужчин 1,2–1,5 марки, для женщин и подростков 0,8–1,3 марки в день; на время жатвы она увеличивалась соответственно до 2 и 1,8 марки [3, с. 212].

В российском МИД проблема положения российских рабочих не осталась незамеченной, консульским службам вменялась в обязанность защита их интересов как в отношении работодателей, так и прусских властей [7, с. 4–7; 8, с. 130–132]. Недостаточное внимание к нуждам россиян за границей стало одной из причин увольнения с консульского поста в Кёнигсберге Ф. Вышемерского, находившегося на русской службе подданного Германии¹.

Первым российским дипломатом, который серьезно занялся изучением положения русских граждан в Пруссии, стал Павел Алексеевич Мельников, в его характеристике, данной Департаментом личного состава МИД в 1893 г., было сказано, что он «по своим способностям и такту вполне пригоден для выполнения сделавшихся в последнее время весьма щекотливыми обязанностей нашего консула в означенном городе» [9, л. 76 об.]. В 1894–1896 гг. Мельников подготовил ряд записок в МИД и российскому послу в Берлине с характеристикой сложившегося в Восточной Пруссии неудовлетворительного положения российских рабочих. В министерстве по этим обращениям решено было учинить комиссию, и в 1895 г. туда был направлен «с инспекцией» сотрудник МИД князь Ф. С. Голицын.

В своем подробном отчете он сообщал, что положение наемных работников из России различно: в одних имениях с ними «обращаются вполне гуманно и расчеты производят добропорядочно», в других бывает «полнейший произвол, доходящий иногда до жестокости». Нередко случается, что россиян обременяют штрафами, бессовестно обсчитывают, так что они «возвращаются домой ни с чем». Правовое положение рабочих «вполне беспомощное»: местные власти отстаивают исключительно интересы помещиков-нанимателей, «многим из них законы справедливости, по-видимому, совершенно не известны». А сотрудники русских консульств в Кёнигсберге и Данциге «завалены всякого рода работою», и поэтому, «несмотря на всю их энергию, не в состоянии оказать своевременную помощь» [4, л. 1–2 об.].

Для исправления существующего положения Голицын предложил, во-первых, «усилить наш консульский персонал в пределах восточнопрусских провинций, вменив ему в обязанность защиту интересов временно пребывающих там русских рабочих»; во-вторых, изменить дей-

¹ В обоснование этого решения была положена записка генконсула в Данциге Н. Врангеля от 29 ноября 1879 г., в которой, в частности, говорилось: «Мне кажется, что держать там теперь немецкоподданного не практично. Может ли он, верноподданный пруссак, как честный человек, принимать к сердцу наши интересы более своих прусских? Какую роль может он играть в ежедневных объяснениях со своими властями по нашим русским делам, будучи их собратом и старым сослуживцем... Посадите его куда угодно – в Париж или Лондон, ну хоть в его же Германию на Рейн, но только не в пограничный пост. Вся эта комбинация так бросается в глаза, что сами немцы недоумевают...» [9, л. 9 об. – 10]. Вышемерскому также ставилось в вину то, что он «оказался совершенно равнодушным» к преследованию русских нигилистов, которые «одно время избрали [в качестве укрытия] Кёнигсбергский университет и город как ближайший пункт к России» [9, л. 7 об.].

ствующую паспортную систему (выдавать долгосрочные, на весь летний сезон, свидетельства на выезд вместо 8-дневных, которые провоцируют нелегальное пребывание за границей)»; в-третьих, немедленно вступить в переговоры с прусским правительством об условиях пребывания российских рабочих, в том числе об освобождении их от уплаты страховых сборов и т.п. [4, л. 2 об. – 3].

В заключение дипломат формулирует свою позицию по главному вопросу, который обсуждался в правительственных кругах России: а не следует ли вообще ввести полный запрет на переход российских рабочих в пограничные немецкие провинции, «так как он облегчает конкуренцию с нами заграничных хозяев, а следовательно, не соответствует интересам русского земледелия». Голицын высказывается против такого решения, поскольку это «лишило бы значительное число работников весьма существенного для них заработка», да и реализовать его на практике было бы весьма затруднительно. Кроме того, он указывает и на то, что «в случае объявления нам Пруссией экономической войны по истечении действия торгового договора» вопрос о рабочих «может послужить нашему Правительству весьма существенным средством для обуздания слишком ретивых противников» [4, л. 3 – 3 об.].

Высказанные Ф.С. Голицыным предложения были реализованы: на основе проведенных в конце 1896 – начале 1897 г. российско-германских переговоров в Заключительный протокол к двустороннему торговому договору от 28 января (9 февраля) 1897 г. была включена V статья, согласно которой рабочим из России выдавались бесплатные паспорта на 8 месяцев (с 1 апреля по 1 декабря²). Вербовку на территории России разрешалась проводить частным агентам, уполномоченным прусскими хозяевами, а также представителям прусских сельскохозяйственных палат. Наем осуществлялся на основе устных или письменных договоров [5, с. 136].

Заклученное соглашение, однако, не привело к существенному улучшению участи российских рабочих в Пруссии. Об этом свидетельствует пространное донесение нового русского консула в Кёнигсберге Артемия Марковича Выводцева от 2 (14) июля 1898 г., которое произвело сильное впечатление на руководство МИД, о чем было доложено министру внутренних дел, и в конце концов оно попало на стол самому императору Николаю II (это был редчайший, едва ли не второй, случай за всю более чем 100-летнюю историю кёнигсбергского консульства!)³

«Положение русских сельских рабочих, – пишет А.М. Выводцев, – ежегодно в большом количестве приходящих в Пруссию на заработки в летнюю пору, с каждым днем становится все более безотрадным и затруднительным». Прежде всего их обманывают агенты-вербовщики, «обещая условия и льготы, каких они по прибытии на место от нанимателей не получают». В большинстве случаев письменные контракты не заключаются, и о подлинных условиях работы и размерах оплаты они узнают уже на месте, «когда несчастные уже попались в ловушку». Но и при наличии оформленных договоров работодатели «считают для себя обязательными лишь выговоренные в их пользу права и преимущества, не обращая внимания на договоренные в пользу рабочих льготы». Особенно консула возмущает повсеместная практика хозяев «вычитать еженедельно известную сумму из заработной платы, каковая якобы предназначается как залог, остающийся нанимателю в случае, если рабочий уйдет раньше срока, условленного в контракте», что открывает «много простора для произвола и злоупотреблений, а рабочих привязывает к месту, где им часто невмозможу дольше оставаться в силу дурного обращения и дурных харчей» [4, л. 31 – 32].

Русский человек в Пруссии, по мнению консула, абсолютно бесправен: он во всем подчиняется местным законам, его без всяких церемоний, «как китайских кули», возят по разным присутственным местам на освидетельствование, для прививки от оспы, на прописку; «беспощадно высылают» в случае малейшей провинности; отбирают паспорта, задерживают деньги и вещи из опасения побегов. Если рабочие решили уехать раньше срока, они «не могут получить своих бумаг прежде нескольких дней и более, гонимые от одного чиновника к другому, теряя время, деньги и рискуя быть задержанными как бродяги». В консульство поступают многочисленные жалобы от соотечественников, «с которыми обращаются часто бесчеловечно, бьют, кормят скверно и недостаточно, помещают в свиные хлева на ночлег, обращаются как с животными». В случаях вмешательства со стороны консула и обращений к властям «расследование производится пристрастно, в ответах оказывается, будто показания рабочих ложные». Выводцев привел многочисленные конкретные примеры жалоб россиян и неудовлетворительных действий властей Восточной Пруссии [4, л. 32 об. – 35].

Автор высказывает мнение, что дело русских рабочих в Пруссии «поставлено на весьма шатком основании», и если «мы будем относиться пассивно к этим невзгодам, то положение их

² Позднее срок был увеличен до 10,5 месяцев – с 1 февраля по 15 декабря.

³ Первый известный случай относился к донесениям консула в Кёнигсберге И.Л. Исакова о возможности войны Пруссии с Россией, которые обсуждались на совещаниях у Екатерины II в 1788 – 1789 гг. [10].

будет с каждым годом ухудшаться». «А между тем, — продолжает он, — вербование русских рабочих из России настолько для Пруссии необходимо, настолько составляет животрепещущий вопрос в их сельском хозяйстве, что достичь соглашения не должно быть очень трудным» [4, л. 35 об. — 36].

В заключение А. М. Выводцев предложил систему мер, которая должна была в корне изменить положение. Он настаивал, во-первых, на создании специальных переходных пунктов на границе со штатными переводчиками и прусскими комиссарами, на которых бы регулировались все необходимые вопросы: проходило медицинское освидетельствование, делались прививки от оспы, проверялись документы, наличие контрактов и т.п. Во-вторых, российские паспорта не должны ни под каким видом изыматься у рабочих, а для удостоверения личности предлагалось выдавать «легитимационные билеты» на двух языках. В-третьих, «рабочие должны быть освобождены от взносов в разные кассы и от личных налогов»; им следовало обеспечить свободу передвижения, право перехода от одного хозяина к другому (с выдачей свидетельства об увольнении), а спорные вопросы между наемными работниками и хозяевами нужно решать в суде, не допуская произвола последних [4, л. 36 об. — 38].

На донесении Выводцева 10 (22) июля 1898 г. императором Николаем II «собственноручно благоугодно было начертать»: «На этот вопрос следует обратить внимание» [4, л. 39]. Вслед за этим 28 октября МИД разослал по консульствам циркуляр с требованием сообщить о притеснениях русских рабочих в Германии, относительно которых «правительство не может оставаться равнодушным зрителем». Пятого ноября в Департаменте торговли и мануфактур состоялось представительное совещание по этому вопросу, на котором предложения кёнигсбергского консула были в основном одобрены [4, л. 94—95, 132]. Трудно судить, насколько предпринятые меры оказались действенными, однако эта тема на несколько лет исчезла из переписки русских дипломатов.

Вновь вопрос о положении российских рабочих привлек внимание МИД после революции 1905—1907 гг. Как можно судить по консульским донесениям, причиной этого стала активность самих рабочих, которые на волне произошедших революционных событий начали смелее отстаивать свои права, требуя от консулов действенной защиты от произвола прусских помещиков и властей. По сообщениям консула в Кёнигсберге В. Г. Жуковского, его резиденцию буквально осаждали толпы соотечественников из числа рабочих, в день его посещали до 35 человек, а время приема пришлось увеличить с трех до пяти и более часов. Консулу приходилось выслушивать упреки от хозяев арендуемых под присутствие помещений «за грязь и шум», которые производят посетители, и не раз менять местоположение своей резиденции. Рабочие традиционно жаловались на неисполнение нанимателями контрактов, «худое» обращение и просили помочь вернуть удерживаемые хозяевами документы. При этом, по мнению консула, «большинство жалоб рабочих совершенно не основательно», а значительное их количество «приходится водворять на родину, снабжая их проходными свидетельствами» [11, с. 25—26, 31, 33; 12, с. 120—122].

Завершая обзор более чем 30-летних усилий российских властей по урегулированию проблем десятков тысяч трудовых мигрантов, ежегодно выезжавших на временную работу в Пруссию, следует признать, что вплоть до Первой мировой войны им не удалось создать действенной и эффективной системы защиты интересов своих соотечественников за границей. Некоторый прогресс в этом деле был достигнут исключительно благодаря энтузиазму и инициативам, исходившим от нескольких консульских работников в Кёнигсберге.

Список источников и литературы

1. *Пересмотр* торгового договора с Германией: доклад VIII съезда представителей промышленности и торговли. СПб., 1914.
2. *Сборник сведений по департаменту торговли и мануфактур: консульские донесения*. СПб., 1880. Т. 1.
3. *Островский Д. Н.* К вопросу о русских сельских рабочих в Германии // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Кн. 6. С. 211—215.
4. *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 568. Оп. 1. Д. 103. Л. 1—225 (Переписка МИД с консульствами в Германии по поводу русских рабочих в Пруссии по найму, 1895—1901 гг.).
5. *Выводцев А.* Вопрос о русских сельскохозяйственных рабочих в Пруссии // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1913. Кн. 1. С. 135—142.
6. *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 568. Оп. 1. Д. 104. Л. 1—76 (Извлечение из записок консула П. А. Мельникова о положении русских рабочих в Пруссии, 1896 г.).
7. *Консульская конвенция с Германией от 26 ноября (8 декабря) 1874 г.* // *Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами*. СПб., 1889. Т. 1. С. 1—10.
8. *Циркуляр* МИД от 9 января 1912 г. с инструкцией по работе консульств // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Кн. 2. С. 129—134.

9. *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 167: Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4044. 1893 г.
10. *Костяшов Ю.В.* Первый русский консул в Кёнигсберге // Новая и новейшая история. 2002. №1. С. 219–223.
11. *Сводка* отчетов миссий и консульств о консульской деятельности за 1907 год / сост. З.М. Поляновский. СПб., 1908.
12. *Рейтерн Б.А.* К вопросу о положении русских рабочих в Германии // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1913. Кн. 4. С. 120–123.

Об авторе

Ю.В. Костяшов – д-р ист. наук, проф., РГУ им. И. Канта, e-mail: kostyashov55@mail.ru

Author

Prof. Yu. V. Kostyashov, IKSUR, e-mail: kostyashov55@mail.ru